

ОЛЕГ ТИЩЕНКО

ПАРЕМИИ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕМЕСЕЛ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Возрастающий интерес к славянской паремиологии, когнитологии и реконструкции системы этнических, религиозных, социальных и др. представлений, народного менталитета не вызывает никаких сомнений и стал аксиомой в современных лингвокультурологических исследованиях. По мнению пионера русской фразеологии и идиоматики В.Н. Телии, пословицы представляют собой «по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все критерии и установки этой жизненной установки народа – носителя языка»¹.

Огромный эмпирический паремиологический материал в разных странах славянского мира ныне нуждается в выработке параметров и принципов идеографической категоризации, а также в его когнитивной обработке и систематизации в глобальном современном мире, чему способствуют данные многих национальных корпусов, автоматизированная система поисковых данных, привлечение новых достижений когнитологии. Так, в работе Л. Араевой предпринята интересная попытка представить паремии в разноструктурных языках в логико-семантическом

Dr hab. OLEG TISZCZENKO – adiunkt Katedry Języków Słowiańskich w Instytucie Filologii Słowiańskiej KUL; adres do korespondencji: Al. Raławickie 14, 20-950 Lublin; e-mail: olkotiszczenko@gmail.com

¹ В. ТЕЛИЯ, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996, с. 241.

аспекте, используя такой метод их когнитивного моделирования, как пропозиционально-фреймовый анализ. В частности паремии разноструктурных языков сводятся к таким фреймам: «делать заведомо ненужную, бесполезную работу», «невозможность совершения действия», «непредсказуемость действий, в результате которых человек, уходя от одной неприятной ситуации, попадает в другую, не менее неприятную», «у другого все лучше, чем у себя», «чужое лучше, чем свое»².

Паремии, паремические выражения и народные суждения могут выполнять аргументативную, эстетическую, экспрессивно-оценочную, стилистическую, социальную функции, а также функцию воздействия на человека (в том числе информирование, убеждение, внушение, манипулирование сознанием и поведением) и представления национально-культурной специфики³ элементов материальной и духовной культуры народа, их связь с этнографическими реалиями, сопряженными с древними промыслами, занятиями и шире – артефактами культуры, которые и являются предметом исследования в данной статье.

Культурологический анализ паремий способствовал выявлению соотношения между формальным и этнографическим планом единиц, корреляции этнических и социальных явлений с формой языкового знака и т.п. На плодотворное сотрудничество именно такого ракурса этнолингвистической интерпретации фольклорного и языкового материала указывали представители социологического, структурно-типологического и семиотического направлений, ср. принцип моделирования вторичных семиотических систем, «слов и вещей», где «история духовных ценностей – языковой знак и его форма» образуют тесное единство (Л. Брюль, Э. Бенвенист, Ю. Степанов, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Цивьян). В рамках лингвоаксиологии этнические и философские категории рассматриваются в тесной связи с деривацией, семантикой, сочетаемостью, энциклопедическими знаниями (Т. Вендина, Н. Арутюнова, Н. Алефиренко, Т. Радзиевская, И. Голубовская, Я. Пузынина, Р. Гжегорчикова, Е. Бартминьски и др.).

Как справедливо подчеркивают представители этносемантики, или новой этнографии «культура – это не столько явление материальное, со-

² Л. АРАЕВА, *Мир во фразеологизмах мира*, в: *Slowo. Tekst. Czas*, ред. М. Aleksiejenko, М. Gordy, т. II, Szczecin–Greifswald 2014, с. 6, 21.

³ Н. КУРБАТОВА, *Паремии, паремические выражения и народные суждения как отражение национально-культурной специфики языковой картины мира (на материале ново(древне)греческого и русского языков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Краснодар 2002, с. 5.

стоящее из вещей, лиц, людей, их поведения, это, точнее, организация этих составляющих в сознании человека, в определенные модели познания и интерпретации мира»⁴. Отметим принципиально важный факт, на который неоднократно обращали внимание этнографы: технология материальной вещи не может не интересовать исследователя «вне ее социального бытования, вне человека, который ее создал и ею пользуется»⁵. Орудия труда, технология обработки сырья, способы изготовления ремесленной продукции – все эти составляющие, связанные с этнической спецификой разных видов человеческой деятельности, «могут быть основанием для формирования культурных и обрядовых стереотипов, поскольку в народном сознании любая технология неотделима от мифологии, и в понятие ремесла необходимо включать кроме производственных действий, действия ритуально-магические»⁶.

Уместно в этой связи вспомнить о магии и мифологии древних ремесел, их связь с магическими практиками и представлениями, восходящими к Библии и античности. Так, к примеру, гончары могут прекращать дождь (связывать и развязывать дождь); за белорусскими сведениями Сержпутовского, мельники и кузнецы связаны с нечистой силой; все то, что собственно связано с посудой (посудой, изготавливаемой из глины) входит в круг христианских представлений, о чем свидетельствуют архаические мотивы изготовления человека на гончарном круге: и посуда, и человек, по Библии, сделаны с одного и того же материала, из глины; после смерти человек превращается в прах, в землю, в глину, в горшки и горшочки; ср. поверье, если кто-то, кого ненавидят, отправляется в далекое путешествие, нужно разбить горшок, чтобы от этого человека остался только прах⁷. Посуду изготавливает дьявол или гончар, которые пытаются, но не могут дать ему душу. Поэтому ремесло гончара считается проклятым, Бог преследует и наказывает гончара: после смерти он должен гореть в Аду, в огне, мучиться, как горит и мучается глина святой земли; в некоторых локальных традициях сохранились сведения о том, что гончар украл свое ремесло у Бога, который при творении мира

⁴ *Amerykańska antropologia kognitywna*, Warszawa 1996, s. 6.

⁵ А. БАЙБУРИН, *Семиотические аспекты функционирования вещей*, в: *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*, Ленинград 1989, с. 63.

⁶ О. БОРЯК, *Ткацтво в обрядах та віруваннях українців (сер. XIX -поч. XX ст.)*, Київ 1997, с. 9.

⁷ Т. СВЕШНИКОВА, Т. ЦИВЬЯН, *К функциям посуды в восточнороманском фольклоре*, в: *Из работ Московского семиотического круга*, Москва 1997, с. 360.

сделал с мягкой глины человека, а гончар, который не может вдохнуть в посуду свое дыхание, ставит посуду в огонь, чтобы тот дал ему душу и язык⁸.

Анализируя историю древнерусского ремесла IX-XII вв. Б. Рыбаков отмечает, что «кузнецов, творцов металла, народ окружил множеством различных легенд и поверий: кузнец-колдун, «хитрец», находится под покровительством русского Гефеста – бога Сварога; он может не только выковывать плуг или меч, но и врачевать болезни, устраивать свадьбы, ворожить, отгонять нечистую силу от деревни»⁹. Ср. также русское поверье, основанное на принципах «этимологической магии», по терминологии Н. Толстого: «Если вору пожелать хочешь худа, то *следует кусок холстины бросить в кузнечные мехи, чтобы «вора раздуло»* [РККГ: 265]. Принципиальная схема творения мира и изготовления вещей одна и та же: введение пространственных и временных показателей: света и тьмы, дня и ночи, верха и низа, неба и земли, выбор материала и его преобразование с помощью естественных агентов (вода, огонь, воздух), «оживление созданного»¹⁰.

В качестве семиотических средств в языке культуры, – отмечает А. Байбурин, – используются не только язык, миф и ритуал, но и утварь, экономические и социальные институты, система родства, жилище, пища, одежда, причем всем этим культурным символам свойственна общая структура значений, благодаря чему возможны цепочки соответствий самых различных конфигураций, например: предмет утвари – элемент ландшафта – часть человеческого тела – единица социальной структуры – время года¹¹.

В разделе «Символический язык вещей» С. Толстая замечает, что в контексте ритуалов, носящих по преимуществу примитивно-магический характер, символика предмета часто мотивируется его внешним видом – формой, цветом, структурой. Так, для символического осмысления *бороны* значимо не только производимое ею действие, но и в не меньшей мере наличие острых зубьев; ритуальные функции *решета*, *сита*, *сети*, *редкого* полотна определяются наличием в них ячеек и переплетений (этот же признак значим, наряду с другими, и для символики *бороны*);

⁸ Т. СВЕШНИКОВА, Т. ЦИВЬЯН, *К функциям посуды*, с. 360.

⁹ Б. РЫБАКОВ, *Ремесло древней Руси*, Москва 2015, с. 109.

¹⁰ А. БАЙБУРИН, *Семиотические аспекты*, с. 67.

¹¹ Там же, с. 71.

веревка может символизировать змею (их общие признаки – длина, извилистость) и т. п.¹².

Прежде чем перейти к рассмотрению символики бытовых предметов и их функций в языке традиционной народной культуры, остановимся на вербальных механизмах фразеологизации технологии производства, инструментов, отражении в языке на уровне обыденной, наивной картины мира существующих стереотипов и эталонов сравнения, морально-этических норм, рекомендаций, некоторых магических практиках и верованиях, связанных с древними ремеслами и ремесленниками, их оценки в социуме.

Реконструкция связанных с этим кругом представлений образных смыслов, народной и диалектной фразеологии, пословиц и поговорок, устойчивых компаративных оборотов отражает связанные с ремеслом разных социальных и профессиональных групп «явления и предметы окружающего мира, известные рядовому носителю конкретного языка стереотипы, положительные и отрицательные стороны человеческого бытия»¹³.

ПАРЕМИЙНЫЙ ОБРАЗ ДРЕВНИХ РЕМЕСЕЛ, ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕМЕСЛЕННИКОВ

Как отмечалось, многие древние ремесла, занятия и профессии, кроме технологии производства, сырья и, конечно же, инструментов, включали бытовые и обрядовые стереотипы поведения ремесленников, прежде всего, народные представления, связанные с землей, огнем, преисподней и нечистой силой. По украинским верованиям, богатство гончара приписывалось помощи нечистой силы; о богатом гончаре говорили, что он «щось знає» или «має чорта, який робить» [СМ: 109].

Для своей работы гончары используют только глину определенного образца и типа – *Nie z kaźdej gliny garncarz garnek ulepi* [Czub. FGP: 40], *Глину не мять – горшков не видать* [БСРП: 178], *Не мять глины – не быть гончаром, Гончара глина годує* (И. Франко) [ЗУЕ: 144].

¹² С. ТОЛСТАЯ, *Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике*, Москва 2010, с. 148.

¹³ Л. АРАЕВА, *Мир во фразеологизмах мира*, с. 15.

Ремесло гончара выгодно отличается от других ремесел и тем, что основным материалом для изготовления изделий выступает глина, которая берется из земли, практически с нуля, поэтому противопоставляется ценности изготавливаемого продукта: *Garncarz z błota narobi złota* [Czub. FGP: 42]; русские пословицы, связанные с ремеслом плотника, определяются также с некоторыми хрононимами: *У плотников три поживы: от Пасхи до Петрова дня, от Петрова дня до Успенья, от Успенья до заговенья* [БСРП: 668]. Если разбивается глиняная посуда, горшечник радуется, ибо ему прибавляется работы, а значит возрастет и прибыль: *Garnek się rozbił, zdun się ucieszył*, укр. *Нехай горщики б'ються на гончарову голову* (М. Номис), *Кузнецу лихо, что в кузнице тихо, У кузнеца – что стукнул, то гривна, Плотнику копейку, подрядчику (нарядчику) рубль* [БСРП: 668], *Рыбака сеть кормит* [БСРП: 777], *Рыбак душу не морит: рыбы нет, так щи варит* [БСРП: 777].

Оценка плохого (невыгодного) и хорошего (выгодного) ремесла и занятий представлена в таких паремиях: укр. *Ремесло – золото принесло, Як дасть Бог леду, то нап'ється коваль меду* – добре заробить на кованню коней [Плав'юк: 160], издревле ремесло кузнеца почиталось в народе, о чем свидетельствует украинская пословица *У коваля руки в золоті, У коваля руки чорні, а хліб білий, Леміш та чересло, то найліпше ремесло – найпевніше, найпоплатніше заняття, то хліборобство* [Плав'юк: 181], *Плуг і чересло, то мужицьке ремесло* [Плав'юк: 256], *Рыбак і музика, то худе ремесло – їхня робота не приносить доброго заробітку* [Плав'юк: 277], русс. *Ремесленник что курица: что грянет, то и клюнет* [БСРП: 752].

Иные социальные контексты представлены еще одной сферой материальной культуры, связанной с мукомельным производством. В народной культуре мельник – персонаж, который знается с нечистой силой, прежде всего с водяным; мельник продает душу водяному, приносит ему жертвы [СМ: 294]. Польские этнографы отмечают, что «wśród tradycyjnych zawodów pozarolniczych, zawód młynarza od dawna był stawiany w rzędzie najwyżej cenionych, zarówno w opinii mieszkańców wsi, jak i w opinii samych młynarzy... Młynarzy uchodzili za ludzi mądrych, przebiegłych i «chytrych», oszczędnych, skąpych, chciwych. Te cechy charakteru przypisywane młynarzom budziły w środowisku wiejskim z jednej strony uznanie, a nawet podziw, z drugiej – pewną antypatię... Charakter pracy młynarza wykorzystującego dla swoich celów siły przyrody (wiatr, wodę), które uchodziły za groźne żywioły (burze, powódzie) sprzyjał powstaniu różnych mniemań» [Wesoł.: 185, 191]. Х. Веселовска обращает внимание на не-

сколько важнейших мифологических мотивов, связанных с мельником: это легенды о провалившейся мельнице, образ злого духа, появляющегося в виде черного кота (или черной птицы), помогающих мельнику, или дьяволов, которые ночью выполняют вместо мельника его работу, а сама мельница выступает вместилищем злых духов [Wesoł.: 194]. Представления о мельниках в польской народной культуре отражены в таких пословицах: *Poznać młynarza z wiatraka po obtartych uszach*, *Młynarzowi przerwie się spanie, gdy mu koło stanie*, *Kto w młynie pracuje, ten w młynie żyje*, *Ziarnko do ziarnko dla młynarza miarka* (символика множества и параметризация, измерение объектов, сыпучих субстанций). Концептуализация семантического противопоставления *своего* и *чужого* представляет идею преимущества своего, результатов своего труда над чужим: *Każdy młynorz na swój młyn wodę ściąga*, *Każdy na swój młynek wodę obroco*, *To jest woda na jego młyn* [Wesoł.:200-201], уважение и почитание мельника в украинской этнокультуре выражено в пословице *Який мельник, такий млин, який батько такий син*. Идея близости своего связывается и с представителями других ремесел: укр. *Кожен на своє копито натягає* – кожен робить на свій лад на користь (где *копито* – деревяна форма стопи, на якій роблять обув'я) [Плав'юк: 160], имеющие синонимические варианты: *Свій до свого по своє* – призыв купцов [Плав'юк: 293], *Рыбак рыбака далеко видит на плесу*, *Рыбак рыбаку свой на плесу* [БСРП: 777], *Всякий мастер свою плешь маслит* [БСРП: 668], *Всякий мастер про себя смастерит*, *Всякий портной на свой покрой* [БСРП: 518].

Наименования, связанные со сферой ткачества и др. занятиями женщин, также могут концептуализировать идею своего и чужого (невмешательства в чужие дела женщин, которые должны заниматься домашним ремеслом, домашней работой, своим делом). Историко-этимологические источники фиксируют эту единицу как ироническую и пренебрежительную, часто с глаголом в повелительном наклонении: *кривое веретено*, *знай своє кривое веретено*. Возникновение оборота связывают со старинным обычаем, когда молодые девушки жили под надзором родителей, в уединении, редко показываясь в церквах, занимаясь дома рукоделием и приучаясь к хозяйству как основе семейного благополучия. Этот обычай распространился и на боярские, и на царские семьи. Жены, кроме новгородских посадниц, не вмешивались в мужские дела, ибо старая поговорка велела им по традиции знать *свое кривое веретено* (Снегирев 1831, II, 66) [РФИЭС: 89-90]. Ср. также другие контексты, маркирующие идею своего и чужого: *Лучше сидеть дома да точить веретена* – в чу-

жие дела лучше не соваться [БСРП: 114], *Чужое веретенце бери, да и свое припаси* [БСРП: 114], укр. *Миколо! Миколо! Сидів би ти дома та точив веретена* (М. Номис) – о мужчине, занимающимся несвойственной ему женской работой.

Ироническая коннотация пословиц, связанных с мельниками, отражает неоднозначное отношение к ним простых людей, манифестирует черты их характера (жадность, скупость и под.), через соматический код, физическое и физиологическое состояние объекта, его измерение через категорию много-мало: *Głodny jak młynarska kurka, Majom głód, jak młynarzowa kurka* – с ироническом подтекстом, т.е. сытый, *Czujny jak uszy młynarskie, Młynareczka w łóżku leży, a miareczka na nie bieży, Babusina wnuczka i młynarska suczka dobrze się mają* [Wesoł.: 200]. На Надднепрянщине записан и такой контекст: *Якби не клин, та не мох, то плотник з голоду здох* [ПрНн: 101], реже – время (*рано-поздно*): *Kto wcześniej w młynie, przedziej miele*, или же количественный признак объекта: *Małej wody na moc młynów nie lza gnać* [Wesoł.: 201].

Определенными отголосками сферы гончарства, обрабатывания предметов при помощи огня, может быть и польский фразеологизм, обозначающий присвоение результатов чьего-либо труда, когда одно лицо пытается использовать результаты труда другого в своих корыстных целях: *upiec dwie pieczenie przy jednym ogniu* «решить одновременно два дела», «использовать чей-то труд в своих интересах», *upiec własną pieczeń przy czyimś/cudzym ogniu* «пользуясь тем, что кто-то занят решением своих проблем, решить собственные, пользуясь результатами, достижениями кого-либо» [Kłosińska: 310].

В обыденных представлениях профессия гончара была сопряжена с определенными магическими влияниями, порчей, аксиологией времени при изготовлении горшков, особенно если речь идет о женщинах и некоторых мифологических персонажах (представителях низшей демонологии), т.е. встрече с нежелательными лицами. Эту идею воплощают польские диалектные изречения, например, *Jak baba spojrzy, to diabli garnki wezmą, Od złych oczu garnki strzelają, Diabeł wszed do pieca, Diabeł zlizol glejtę, Na tym garnku dziabeł siedział*. А если в результате более высокой температуры горшки плавилась и деформировались или же печь, в которой они выжигались, ломалась, то поляки это также связывали с влиянием злых, внешних, враждебных человеку сил: *Udoł się diabeł z rogami, Diabeł na piec skoczył* [Czub. FGP: 41]. Показательными оказываются также запреты в польских поверьях, связанные с ремеслом гончаров:

если кто-то, проходя мимо печи, в которой выжигают горшки, «*wykrzywi usta, to się pokrzywią wszystkie garnki w tym piecu*» [Siark.:43]. Представления о кузнецах также отличаются мифологической окрашенностью. Вот что отмечают в этой связи украинские этнографические источники: «коваль здавна вселяв забобонний страх: таємнича обстановка, в якій працює майстер, закурена кузня, вогонь, розпечений метал, сам вигляд коваля, – все це вселяло вірування, що ковалі – чаклуни, химородники; до того ж ковалі кували як потрібні в житті людини речі, так і смертоносну зброю: тому в народних легендах природу ковальського ремесла приписували Богові, то дияволу: *Коваль клепле, доки тепле, Добре тому ковалеві, що на обидві руки кує* (М. Номис)» [ЗУЕ: 295].

Одновременно низкое общественное положение, бедность гончаров и других ремесленников намекает на те непростые времена, когда намного выгодные и дешевые изделия, а в последствии и железная посуда, вытесняли изготовление горшков вручную. Обратим внимание на амбивалентность семантической структуры таких образных контекстов, которые оценивают работу мастеров как выгодное и прибыльное дело или же концептуализируют через понятие *богатства* и *бедности*: *Na glinie nikt nie zginie* [Czub. FGP: 42], Ср. русс. *Плотника не шуба греет, а топор, Плотник – и в поле работник* [БСРП: 668], иногда с оттенком иронии: *Богат мельник стуком/шумом* [БСРП: 668], В. Даль дает ремарку – мельник шумом мельницы кормится, *На мельника вода работает* [БСРП: 527], *Човник і ляда – ткачеві порада* [ЗУЕ: 33], *Кому що, а мельникові вітер, Користуйся, як мельник, путнім вітром, Наше діло мірошницьке: покрутив та й сів* (с ироническим оттенком значения), *Животом пре, ногами тре, а що хоче, те й робить* (профессия ткача в украинской загадке) [ЗУЕ: 231].

Общеизвестной оказывается и гордость, самовосхваление гончаров, которые считают свое ремесло богоданным, что находит свое осмысление в компаративах типа: *Honorowy jak garncarz, Honorowy jak zdun, Garncarz jest honorowy, bo jak mi coś zleci, to nie podejmie/to się już nie dźwiga... bo nie ma się po co schylać* [Czub. FGP: 42], русс. *Больше ремесла, больше и злыдней* (где злыдни – заботы), *И в ремесле злыдней много* [БСРП: 752], *Хорошее ремесло – из-за хлеба да на воду, Рыбак богат не будет, хотя подол у него не просыхает* [БСРП: 777], *Ремесла за плечами не носят (не носишь), а с ним добро/да с ним себе хлеба не просят, Тот скоро разбогатеет, кто всегда от ремесла потеет* [БСРП: 752]. Некоторые русские пословицы, наоборот, дают положительную оценку умению

человека что-либо сделать, изготовить: *Ремесло в руках – верный кусок хлеба, Ремесло – вотчина (кормилец), Не приносит ремесло хлеба, а само кормит, Не худое ремесло, кто умеет сделать и весло, Ремесло за плечами не висит/есть-пить не просит, а ко времени годится, Ремесло не коромысло: плеч не отдавит, а век пропитает, С ремеслом везде хлеб сыщется, Ремесло и увечной хлеб сыщется, С ремеслом весь свет пройдешь – не пропадеешь* [БСРП: 752], *Слесарь, плотник – на все руки работник* [БСРП: 820].

Каждый ремесленник должен заниматься своим делом, и вмешательство в сферу чужой профессии резко осуждалось, что, собственно, демонстрируют польские и украинские пословичные смыслы: *Ремесленник один другого ненавидит* [БСРП: 752], *Мастер мастеру не указчик, Szwiec skóry, a krawiec igły pilnuje* [НКРР III: 395] – ремеслу, профессии надлежит учиться у соответствующего мастера [НКРР I: 73], укр. *Швець знай своє шевство, а в кравецтво не мішайся* (Номис, 425), *Як ти не коваль, то й кліщі не погань* – коли не знаєш діла, то й не берись за нього [Плав'юк: 160]; *Każdy krawiec swoim krojem, każdy kiej/blazeń swoim strojem* – укр. *Кождий швец хвалит свої чоботи* – каждый ремесленник хвалит свое ремесло [Фр.ГРНП 3: 441], *Коли сь швець, пильнуй свого копита, Коли не коваль, то й рук не погань, Кому до чего, а кузнецу до наковальни* [БСРП: 752], *Ремісник старі коцюбки направляє, а до нових, то майстра наймає* [Фр ГРНП 3: 441] *Кожжен майстер своє ремесло хвалить* [Плав'юк: 194].

Народное сознание осмысляет многих ремесленников как склонных к злословию, ругательствам, пьянству, рассматривает их как умственно отсталых, замкнутых, малообщительных, наделяет их такими чертами, как обман, жадность и мелочность, что касается прежде всего тех, кто пытается наиболее выгоднее продать или оценить свой товар или производимый продукт: *Не проси у кузнеца угольев – либо нет либо самому надо, Кузнецу, что козлу, везде огород* [БСРП: 457], *Часовому мастеру, лекарю да аптекарю нельзя веры давать* [БСРП: 518], *Мастеровой не худ, да в душе плут* [БСРП: 518]. Эти же черты характера послужили основой устойчивых сравнений в сопоставляемых языках: *Klnie jak szewc* [Кłosińska: 26], укр. *Mnie już szewska pasja ogarnia* – о беспробудном пьянстве [НКРР III: 395], синонимические выражения *Szewska pasja porwała, Szewski poniedziałek*, русс. *Было ремесло, да хмелем поросло, Было ремесло, да вином залило, Его ремесло по воде пошло, по воде пошло – водой сплыло* [БСРП: 753], *Мастеровой что курица: где ходит, тут и напьется, Сапожник пьяный в стельку, столяр в доску,*

стекольщик вдребезги [БСРП: 784], *Не так швецю игла, как чарочка* [БСРП: 1000], *Szewskie słowo* – о том, кто врёт [НКРР III: 395], *Szwiec kiedy się na skóry zadłuży, tedy podeszwaami wypłaca, Szewc tym im lepszy majster, tym gorszy pijak, Był celnik, który nie kradł, szewc, który nie pijał, Cum i n'ян, cum i n'ян – так нібито «співає» драмва у шевця* [ФПСслоб.: 233], польск. *Jeszcze skóra na baranie, a już kuśnierz pije na je* [НКРР I: 59]. Последний контекст, между прочим, выражает идею совершения, осуществления каких-то преждевременных действий.

Некоторые пословицы обращают внимание на другие социальные ориентации, нищету, запах, хотя напрямую и не обозначают только ремесленников, а употребляются в обобщенно-типизированном значении: *Od dziada czuć zawsze szewską smołą* [НКРР I: 524], *Garncarz się nigdy nie dorobi* – о жадности гончаров [Czub. FGP: 47]. На отрицательные умственные способности и алкоголизм народная мудрость также обращает внимание: *Швець має розум но до полудня* – бо по полудни звичайно буває п'яний [Фр ГРНП 3: 442], *Густо ший, рідко пий* – приповідають кравці, які найчастіше не держаться сеї приказки [Фр ГРНП, 3: 442], в польской этнокультуре ум сапожника сравнивается с деталями, элементами изготавливаемой им обуви: *Szewca po napiętki dosyć, Dosyć szewcowi po napiętki rozumu* Ср. русс. *Мастер глуп – нож туп* [БСРП: 518].

Номинацию и оценку описываемых традиционных занятий со стороны других, взаимные обвинения и шутки по поводу необычного поведения, взаимную неприязнь, скрытую антипатию, насмешки над ремесленниками, упоминаемую склонность к стяжательству, обману и корыстолюбию, несправедливость отражают многие региональные единицы. Так, на Слобожанщине засвидетельствованы инвективы: *Колесник – дурний ремесник: вертить, довба та знов і забива* – так хлеборобы подтрунивают над ремесленниками [ФПСслоб.: 132], в надднепрянских говорах Украины кожевенник и портной маркируются амбивалентно, характеризуются и с положительной, и отрицательной стороны, часто с оттенком легкой иронии: *Не дивіться на мене, що я самарський швець, балакайте зо мною, як із простим чоловіком, Швець ходе навпростець, Має нитку, має голку – шие все життя без толку* [ПрНн: 143], *У попа здача, у кравця остача, У портного остачи что у попа сдачи, Заки слюсар обпилює, коваль діти погодує* – работа слесаря является более сложной, чем кузнеца. Пока слесарь обрабатывает деталь напильником, то кузнец уже заработает что-то на пропитание для своей семьи [Плав'юк: 311]. Торговцы мелким

товаром в украинской этнокультуре часто также выступали объектом насмешек: *Крамар, як комар, де сяде, там і п'є, Крамареві не божиться, то ніколи не розжиться* (М. Номис), реже прослеживается связь с этническими стереотипами при обозначении концепта несправедливости, расплаты за чужую вину: *Коваль завинив, а цигана повісили* – цигана повісили тому, бо в селі було багато циганів, а лише один коваль [Плав'юк: 344]. Иные морально-правовые аспекты, связанные с воровством ремесленников, народное сознание оценивает пейоративно или нейтрально: укр. *Вчи його колодійства, а його тягне до злодійства* [Плав'юк: 170], *Не у ремесла вор, та у промысла, Всяко ремесло чесно, кроме воровства, Злое ремесло на рель занесло (рель – виселица)* [БСРП: 752], *Иное ремесло к собакам занесло* [БСРП: 752], *Худое ремесло лучше хорошего воровства* [БСРП: 752], *Не ворует мельник, а люди сами носят* [БСРП: 527], *Портной – вор, сапожник – буян, кузнец – пьяница* [БСРП: 700], *Портной и на ножницах украдет, Портной на грош украдет, а на рубль ізъяну сделает* [БСРП: 700], *Хороши наши портные, днем с иголь, ночью – с обротью* (конокрады, работающие иногда в деревнях под видом бродячих портных) [БСРП: 700].

Уместно в этой связи вспомнить и отдельные лексические номинации пейоративного содержания, композитные дериваты в белорусском языке: *Гаршкалеп, гаршкалепнік, гаркалепчїк* – неумелый мастер [Юрч.: 45]. Ср. также: *Сам гаршкаль, а з ичарбатага гаршка есць* [Рабкев: 43], *Ганчар гаршкі лепіць, а сам у чарапку есць варыць* [Лепешаў: 128], соответствующее русскому *Сапожник без сапог*, имеющему синонимические варианты в других славянских языках, в частности и в польском: *Garncarz w czerepie jeść warzy – Szewc bez butów, krawiec w podartym ubraniu chodzi* – со многими вариациями [НКРР III: 393], *Zaś szewcowi chodzi po karku*, укр. *Ковалева кобила та шевчиха ходять не підкуті* – коваль та швець зайняті чужою роботою, не дбають, що своя не зроблена (давно за загатках носили підкови, щоб скоро не виходжувались) [Плав'юк: 220], русс. *У кузнеца – без топора, у сапожника – без сапог, у варничного стрижа без соли* (соль вываривается в так называемых варницах, под крышей которых гнездились ласточки-стрижи; варничный – живущий на соляной варнице [БСРП: 457], *Всегда сапожник без сапог, портной без рубахи/без порток* [БСРП: 784], *Плотник всегда без хаты, а портной без итанов*.

Белорусская фразеология содержит и иные сходные по стилистической маркированности пословицы, касающиеся кожевников: *Шавец*

шые – жонка вые [Рабкев.: 75], в компонентном составе таких единиц в польском языке представлены вульгаризмы и просторечная лексика, например, *U garncarza tęga mina, z przodu woda z tyłu glina, U garncarza wszystko w kupie, woda w ptoku, glina w dupie* [Czub. FGP: 42]; отрицательная коннотация свойственна также и таким паремиям, которые отражают склонность мастеров к конфликтам и распрям. Так, в польской наивной картине мира гончары противопоставлены более покорным, кротким и непритязательным кожевенникам: *Pięćdziesięciu szewców jedzie na jednym wozie, ale dwóch garncarzy zgodzić się nie może*; спорадически пословицы объективируют соединение несоединимого, несовместимых явлений (руки гончара сравниваются с руками прелата): *Kto w glinie robi, to ma ręce jak pralaty* – ладони гончаров, постоянно пребывающие в глине и воде, становятся более гладкими и мягкими. В украинском языке несовместимость и противоположность профессий объективирована в поговорке: *Ситник (шильник) берднику не товариш* [ЗУЕ: 33].

Обратим внимание и на фразео-семантическое поле единиц со значением «неумель, плохой работник, ремесленник», «ни к чему не способный» или наоборот «проявляющий чрезмерную склонность к каким-либо трудовым действиям, занятиям». Так, в диалектной народной фразеологии Слобожанщины засвидетельствован контекст *Видно пряху по підтеці* – насмешка над ленивыми и теми, кто неумело выполняет свою работу (*підтека, підтечка* ‘поділ у жіночій сорочці, вишитий каймою’, ‘вовняний пояс червоного кольору з китицями на кінцях’, ‘поділ у сорочці (у нижній частині) з грубого полотна [ФПСлоб.: 208], русс. *Шить мастерица: начала кисет, а вышла рукавица* [БСРП: 518], *Портной Данило, что не шьет, то хило, Не вмие й шила загострити* – ні до чого не здатний [ЗУЕ: 649].

В польском языковом сознании закрепились также пословицы и поговорки, выражающие отрицательное отношение к халтурщикам или тем, кто выполняет свою работу наспех, небрежно. В этом плане заслуживают внимания образы ткачества и шитья, связанные с идеей горячего, временными понятиями: *Szyć gorącą igłą* ‘niedbale, naprędcie’, *Szyć na patalajkę (patalajkę)* ‘szybko, byle jak’, *Szyć sobotnim/czwartkowym sztychem na piątkowy targ* ‘pośpiesznie, niedbale’ [NKPP III: 420], *Szyje jak na umarłego (jak na nieboszczyka, łapu-capu* – słabo, niedbale), укр. *Шити та пороти, щоб більше було роботи* – про невмілого ремісника, який що зробить, те й перерабляти мусить [Плав’юк: 349], *Не питає добрий жнець, чи широкий загонець* [ПрНн: 53], *Коваль коня кує, а жаба й собі ногу дає* – коли

чоловік береться до діла, до якого ніяк не здібний [Плав'юк: 158], рус. *Кузнец коня кует, а лягушка тудя же лапу сует* [БСРП: 457]. Аксиологическая вербализация плохой работы часто связывается с собственными наименованиями – символической антропонимов: *Майстер Свиридко два рази уріже, та й ще закоротке* – глум з такого, що береться не до свого діла [Плав'юк: 194], *Портной Данило, что ни шьет, то гнило* [БСРП: 700], *Портной Данило, шье та порэ, одним ниткам только горэ* [БСРП: 700], *Портной Пенка шьет крепко: от пятницы до субботы без заботы, Портной Проня шьет да порет* [БСРП: 700], *Швец Кузя все узит* [БСРП: 700], *Швея Софья на печи засохла* [БСРП: 1000], очевидно, в последних речь идет о дражнилке, как и в случае *Швея – голая дыра*, или украинского *Ремісник завіз козу в хабузник* – глум з поганого ремісника [Плав'юк: 276], *У рыбака весло одно ремесло (рукомесло), да и то сломано* [БСРП: 668], *Плохой мастер – плоха и работа, Чудный мастер, да дыра в горсти* [БСРП: 668], *И на мастера грех бывает, Бывает и на мастера хула, У плохого мастера острая пила тупа, В плохом мастере два угожья: припас изводит да работу портить* [БСРП: 518].

С другой стороны, с оценкой умственных способностей человека могут связываться некоторые детали при изготовлении бочки (укр. *кленка* – польск. *klepka*), причем в этом случае сама бочка метафорически уподобляется голове. Как отмечает польский этнограф Я.Ст. Быстроень, человек, которому *brak piątej klepki* «*pomyślany jest jak gdyby drzewniane naczynie, bezużyteczne, bo z jednym bokiem otwartym; zwrot to bednarski, podobnie jak majster klepka, człowiek do wszystkiego zwinny, obrotny. Do ciesiołki odnosi się znów wariant tegoż zwrotu: piątej krokiewki w głowie niema*» [Быстроень: 106]. Как видим, в этих оценочных метафорах голова осмысливается как деревянная посуда, негодная для употребления, потому что одна из сторон посуды открыта. Не исключено, что эти номинации, предполагающие связь *кленки* с изготовлением деревянных приспособлений, в частности и посуды, напрямую коррелируют со значением дерева, т.е. оценкой умственных способностей человека через общеязыковые «деревянные метафоры» (ср. *дубина, дубовый, дубиноголовый*): вместилище, посуда метонимически уподобляется голове как испорченному, дефектному механизму. Развитие значения в этом случае идет по линии: от 'плохой, никудышний мастер' – 'неумелый', 'дурак, человек с ограниченными умственными способностями': *Brak mi piątej klepki (krokiewki)*, в пермских говорах записан и такой вариант: *Десятой кленки не хватают* [ФСРП: 399], *Majster klepka nie ma chleba ani dziebłka, Majster klepka: co*

zrobi, to bez lebka, Majster od starych klepek – плохой мастер, производящий брак, *Majster kleпка: zlaź pan z dachu* – не берись за то, чего не умеешь [НКРР I: 372], укр. *Кленки йому в голові не сходяться*, где *кленка* – кожна з опуклих дощечок, з яких складається бочка; у народі – символ необхідного розумового складника, на основі чого розвинулися фразеологізми: *кленки розсохлися у кого, кленку загубив (хто), кленку вставити кому* [ЗУЕ: 290].

СИМВОЛИКА АРТЕФАКТОВ
В ЯЗЫКЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ:
НАПРАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
И ОБРЯДОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Как в языке, так и в культуре, образ предмета как компонента картины мира антропоцентричен, т.е. в нем закреплены только те признаки и свойства, которые значимы для человека. В языке совокупность релевантных признаков предмета («кластер его свойств») формирует семантику слова, в культуре они определяют культурный знак – стереотип, или концепт, отражающий культурные (символические) функции предмета¹⁴. Так, в украинском языке лексема *макітра* обозначает и специальную глиняную посуду для перетиранья мака, пшена или соли, и голову человека (*макітра зварила*). Стертые соматические метафоры (с компонентом *ухо*) при обозначении частей посуды просвечиваются в высказываниях: *Граї, глечичку, поки підеш без ушка* [ПрНн: 28], диалектное обозначение *баняк/катілок не варе* – иронически обозначает человека с ограниченными умственными способностями [ФСНН:11]. Польский коррелят обозначает социальные отношения, близость своего в отличие от чужого: *Każdy sobie garniek skrobie* [НКРР II: 52].

По народным представлениям, посуде могут приписываться такие антропоморфные признаки, как *голова и голос*, способность ходить, прыгать, осуществлять злокозненные действия и т.п. (ср. румынские мифопоэтические представления, согласно которым посуда может выступать помощником зловредных демонологических существ; в этой связи исследователи упоминают молдавский обычай, согласно которому при рождении

¹⁴ С. Толстая, *Предметные оппозиции, их семантическая структура и символические функции*, в: *Славянский и балканский фольклор. Виноградье*, вып 11, Москва 2011, с. 10.

ребенка, разбивают *новый горшок*, чтобы у ребенка был красивый голос; возможно, в этом случае реализуется символическо-магическая связь звукового признака предмета: *голос горшка – голос ребенка*¹⁵.

Как справедливо отмечает русский этнограф А. Байбурин, «поразительное единство разноплановых и разносубстанциональных явлений в архаическом мировосприятии позволило исследователям говорить о том, что архаическая культура представляет собой цельную семиотическую систему, каждый элемент которой соотнесен с другими элементами и все они участвуют в единой всеобъемлющей метафоре»¹⁶.

Стоит обратить внимание на некоторые антропоморфные устойчивые сравнения, образом-эталоном которых выступает посуда (с ключевыми польскими лексемами *dzban* – жбан, *dzieża* – дежа, *garnek* – кастрюля и др.). Последние довольно часто выступают образно-смысловым центром для многих устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, обозначающих внешние признаки человека, черты его характера, психическое состояние, эмоции (*Brzuchaty jak dzban*, *Baba jak dzieża*, *Wyniosła jak dzieża – ob osobie niskiej i tęgiej*), внутренние качества, умственные способности, рост и проч. Например, в выражении *Urosła jak ciasto w dzieży* можно реконструировать культурную семантику, связанную с магией физического роста, вегетации, метафорой благополучия, верха, магией плодородия. Отдельные наименования манифестируют характер семейных отношений, как, к примеру, польское диалектное: *Na podziałki małe garki* – лучше в семье жить вместе, чем порознь. Семантика относительного или абсолютного размера, по Е.Рахилиной, кодируется посредством посудных моделей, в которых образ посуды сочетается с его атрибутивными характеристиками в составе некоторых субстантивных словосочетаний. В этом случае посуда связывается с такими противопоставлениями, как *старый-новый*, *большой-маленький*, *пустой-полный*, *целый-нецелый* (разбитый, испорченный): ср. *У збитім горшку доброго борцу не зварии, Аж поки горшка не припече, аж поти з нього не потече* [Плав'юк: 78].

Отдельно можно говорить и о когнитивной модели ВМЕСТИЛИЩА как метонимического признака проявления эмоций, гнева, темперамента, «кипения чувств» (в их компонентном составе температурный признак соединяется с обозначением эмоций): польськ. *Małe garnuszki prędko kipią* – невысокие, незначительные люди быстрее выходят из себя, более

¹⁵ Т. СВЕШНИКОВА, Т. ЦИВЬЯН, *К функциям посуды*, с. 371.

¹⁶ А. БАЙБУРИН, *Семиотические аспекты*, с. 71.

импульсивны и вспыльчивы, русс. *Маленькие горшки быстрее кипят* 'т.е. маленькие людишки быстрее выходят из себя' [БСРП: 208], польск. *Jakbym dostał na głowę dzbanek* – о перепуге (возникает как результат метонимии – ушат холодной воды на голову), *Z dzbanuszkiet po wodę* – о супружеской паре, в которой один из супругов низкого роста [НКРР I: 523], укр.(надднепрянское) *Саме з горщик, а вище голови плигає* [ПрНн: 101], *дірявий горщик* – 'марнотратник', *щербатий горщик* – 'нешаслива, невдатна людина', *Stara dzieża – nowe wieko* – иронически о неравном браке, когда пожилой женат на молодой, т.е. слишком большая разница в возрасте [НКРР I: 543], со сходным значением украинское: *Ліше старий горнец, як новий череп* – про дівчину, яка вийшла заміж за старого багача [Плав'юк: 78].

Посуда может метафорически обозначать социальные отношения между людьми, жизненный цикл человека, нормы этикета: *С порожнего горшка не едят, не пьют, а о пол бьют* [БСРП: 208], *Горшки летят, черепушки колются* [БСРП: 208], *Горшок с горшком сталкиваются, бьются, а жить вместе не столкнуться – невозможно* [БСРП: 208], *Склеенный горшок долго не варит; Семейный горшок всегда кипит* (о раздоре, неладах в семье), польск. *Kiedy garnek wojuje z baniakiem wkrótce pokruszy się tuisi*, русс. *Битому горшку немного надо – больному недолго заболеть вновь* [БСРП: 208], *Горшок чугунок не товарищ, Горшок – упольник, везде угодник* «расторопный, быстрый, хозяйственный», «угодливый, льстивый, подобострастный», «шаловливый, непоседливый ребенок», *Живучи, и горшок с горшком столкнется, Осудил горшок чугунок, а сам весь в саже, € в глеку молоко, та голова не влізе* – о ленивом или завистливом человеке [Плав'юк: 117]; образ лени в противоположность трудолюбию связывается и с некоторыми орудиями труда: *Кто ленив за сохой, тому (для того) весь год плохой, Меж сохой да меж бороной не ухоронишься*.

Антропоморфный признак может сочетаться и со звуковым признаком: *Пустой горшок громче звонит, Пустое ведро громче звенит, У пустого корыта и кони грызутся* [БСРП: 441], *Пуста бочка брянкой бречит, Пустая бочка громче гремит, В пустой бочке больше звона* [БСРП: 88], укр. *Порожня бочка гудить, а повна мовчить* – дурень чваниться, а мудрый – мовчить [Плав'юк: 160].

В белорусской лингвокультуре умственные способности человека, характер общения и коммуникации, манера речи (бурчание, недовольство), чрезмерное пристрастие к еде и другие «материальные недостатки» концептуализируются через такие устойчивые сравнения: *Як дзіравая бочка*

– *надакучлива бурчаць, Як у дурную бочку – без меры* [Юрч.: 48], *Кропля смуроду псуе гарнец меду* [Санько: 420], *Пустую бочку далека чуваць* [Санько: 339], *Каб не ежка ды не адзежка, дык была б грошай поўная дзежка* [Санько: 158]; некоторые из них обозначают материальное благополучие посредством соотнесения с артефактами-вместилищами: мешок-горшок: *Калі есць у мяшку, то будзе і ў гаршку* [Санько: 125], русск. *Где горшок с кашей, там и наши* [БСРП: 208]. Интересно, что в чешской фразеологии разбитая посуда маркирует отношения между детьми и родителями, обозначая ссоры в семье: *Jeden hrnec láme a druhý čbáňku (o zet) tluče* – о плохих родителях (досл. *Один горшки, а другой оземь кувшины бросает*) [Fl.Črř: 351]. Упоминаемая деструктивная семантика отражается и в белорусском языке, обозначая хвастливого или неуклюжего человека: *Хвастала кабыла, што воз гаршкоу пабіла, Як та-укач кала місак (гаршкоу)* [Юрч.: 45]; об обрядодействиях, связанных с битьем посуды [см. СМ: 111]. Украинский этнограф И.Нессен упоминает о полесском обычае битья посуды на свадьбе: миску после завершения каравайного обряда бросали через хату: *Як не поб'ється, то поб'ють, потопчуть, потанцюють*. Этнограф Е.Кагаров относит данный обряд к охранительным; битьем горшков иногда сопровождалось обрядовое действие соединения свеч на пороге. На Ровенском Полесье миску, в которой мыли руки от теста после приготовления каравая, как правило, разбивали, перебрасывая ее через хату. Если миска падала дном вверх, то первым родится мальчик, если дном, обращенным к земле, – девочка¹⁷.

Упоминаемая *дежа* также оказывается ритуально маркированным символом в языке культуры. В.Жайворонок обращает внимание на сакрализацию этого предмета, поскольку в ней изготовляли тесто на свадебный каравай, поэтому она была объектом всеобщего почитания, как и хлеб и печь, ее оберегали, скребли освященным ножом на Пасху, новую дежу наполняли водой у колодца и давали пить эту воду скоту (это способствовало прибыли и благополучию) [ЗУЕ: 189].

Культурная семантика (под семантемой понимаем связь символики предметов и их функции с обрядовыми или бытовыми стереотипами, а также с элементами внутреннего сакрально и мифологически маркированного пространства) концептуализируется посредством запрета одо-
лжать *дежу* (т.е. нарушать границы освоенного, домашнего пространства)

¹⁷ І. НЕССЕН, *Весільний ритуал Центрального Полісся: традиційна структура та реліктові форми (середина XIX – XX ст.)*, Київ 2005, с. 163.

чужим людям. Такая магическая практика реконструируется в предостережении *dzieża boi się cudzych progów* – если одолжить кому-либо дежу, то потом в ней не будет «хлеб вестись», т.е. замешиваться тесто [НКРР 1: 577]. Эти поверья нашли свое выражение в бытовых проклятиях украинцев, засвидетельствованных в разных региональных источниках. Так, в «Галицько-руських приповідках» И.Франко читаем: *Бодай ті діжа не росла* [Фр.ГРНП 1: 827], в надднепрянских диалектах также представлены злопожелания неудач в хозяйстве: *Бодай тобі ні в діжі сходу, ні в почці плоду* [ФСНН: 177]; у М.Номыса зафиксированы еще и такие контексты: «*Чи діжа здіжилась, чи хазяйка сказалась*» – о чем-то неудачно сделанном, приготовленном, негодном [Номис: 538], *Як діжа не міситься, то сім'я біситься* [Номис: 612]. Польский этнограф З. Глогер в этой связи замечает: дежу нельзя выносить за порог своего дома, поскольку с ней связываются счастливые события в жизни человека, а при одалживании можно передать часть общего блага, передать счастье, удачу кому-то другому, т.е. «дежа может испортиться» [Gloger 1880: 162].

С. Толстая подчеркивает о необходимости различения предметов бытовых, имеющих утилитарное назначение, но приобретающих вторичные ритуальные функции (таковы, например, *борона, горшок, топор, шапка* и т. п.), и предметов ритуальных, не имеющих утилитарного применения, изготавливаемых специально в обрядовых целях (таковы, например, *свадебное деревце* и *каравай, жатвенный венок, соломенное чучело Масленицы* или *Морены* и т. п.). Первые имеют, таким образом, двойную семантику и функцию – повседневные, обиходные и – культурные, ритуальные, а вторые – только культурную семантику и функции.

Для большинства предметов утилитарных культурные (символические) значения вторичны, производны по отношению к их первичному обиходному значению. Главный вопрос, на который необходимо получить ответ, С.Толстая формулирует так: на чем базируется вторичное, символическое, культурное значение предмета, на какие реальные свойства предмета оно опирается, в каких ситуациях, при каких обстоятельствах оно возникает? Отвечая на него, известный этнолингвист рассматривает символические признаки некоторых предметов быта и инструментов, символизация которых оказывается избирательной, и каждый из этих предметов в языке традиционной народной культуры как бы поворачивается к нам своими разными символическими ипостасями.

Так, метла приобретает символику и функцию отгона нечистой силы на основании характерного для нее действия метения, т. е. удаления, уст-

ранения, уничтожения нечистоты; фаллическая символика бороны основывается на ее утилитарной функции рыхления почвы; символика дежи (квашни) целиком определяется тем, что в ней замешивается, «зарожда-ется» хлеб, и т. п.¹⁸. Образная номинация упоминаемых предметов в языке отличается избирательностью в разных локальных традициях восточных и западных славян.

При этом следует подчеркнуть, что в неславянском культурном и языковом пространстве тот же объект (*боро́на*, *жернова* или *метла*) может поворачиваться к номинатору иными антропоморфно ориентированными метафорическими и символическими сторонами, не зафиксированными в славянском языковом менталитете и культурных представлениях. Так, в английской идеографии с *бороной* связаны следующие идиомы: *under the harrow* – пребывать в нищете, *the toad under the harrow* Someone suffering a miserable existence; *under constant persecution* – букв. *Жаба под бороной* – кто-то находится в жалком состоянии, постоянно преследуется; *a millstone round your neck*, *An insupportable burden*, в буквальном значении 'имеет жернова на шее, несет непосильную ношу' – (Евангелие от Матфея 28:6) 'непосильная ноша', *like corn under a millstone* Oppressed – *Как зерно под жерновом* – быть в угнетенном состоянии, *hard as the nether millstone* Hard-hearted – букв. твердый, как нижние жернова 'жесткий'. Как мы убедились, общая метафорическая идея чего-то тяжелого лежит в основе указанных английских вторичных номинаций бороны и жернов (для этих двух предметов метафора тяжелого психического состояния является очевидной).

Атрибутивный, приписуемый предмету признак (*предмет – какой*), с другой стороны, представляет оценочную семантику некоторых выражений, мотивированных идеей неравного брака (*a mad horse and a rotten harrow are soon parted* *Of an ill-matched marriage* – резвый конь и гнилая боро́на быстро разводятся); другое качество предмета ('легкость') кодирует семантику легкой, независимой жизни холостяка, как в английском выражении *trail an easy/a light harrow* *Live easy, unmarried, without cares* – идти тропинкой легкой бороны, т.е. вести легкую, беззаботную жизнь [ТЕТМ: 179].

Народная фразеология по функциональному признаку сравнивает жернова со ртом и зубами, т.е. теми предметами, которые способны молоть, измельчать какую-то субстанцию и переносно актуализировать признак

¹⁸ С. Толстая, *Семантические категории*, с. 148.

‘сплетни, быстрое говорение, пустая болтовня’: укр. *Меле язиком як на жорнах, Меле, як на млинку, та й писок го не болит* – про балакуна, *Меле язиком як вітряком/як на жорнах, Взяв го на свої жорна* – про обмовляння когось (И.Франко), *Miele językiem jak w żarnach/jak na kołowrot* [НКРР III: 789], *Miele językiem jak baba kołowrotkiem, Języki się wam obracają niby kamienie w żarnach* [НКРР III: 871], *Gada jak kołowrotek, Pleciesz jak na kołowrotku, Gęba tu jak kołowrot lata, Gęba tu jak wiatrak miele, Gęba jej lata jak pytel w młynie* [Wesoł.: 200-201]. С таким же значением функционирует образ дырявой бочки и горшка в украинских и русских устойчивых сравнениях: *Балакун, мов дірава бочка, Воркотить, як легке у горшку* [Плав’юк: 9], *Ни ткаха, ни пряха, а язык как плаха* [БСРП: 907]. Исходным значением базового прототипа в этом случае выступает символика движения, вращения и кручения, представленная глагольными метафорами. Возвращаясь к символике *бороны*, можно обратиться и к некоторым белорусским фразеологическим единицам, в которых реконструируется идея чего-то неуместного, неудачного (белорусы ставят в один ряд *борону* и *свинью*, поскольку понятно, что при обработке и вспашке земли в борону впрягают коней). Поэтому компаратив *Як барана за свінею* обозначает что-то несуразное, несовместимое (кто-то ходит, тащится за кем-то, не всегда желанный) [Юрч.: 45] (*Малый валочіцца і валочіцца у яе за хвостом, як барана за свіннею*). Идея неуклюжести и ненужности усиливается белорусским фразеологизмом *гарадзіць барану*; кроме этого сравнение неумелого мастера и его работы со *смыком* также имеет вполне прозрачную мотивировку: *Ні ў смык, ні ў барану* (*смык* – орудие для вспашки земли), ср. русс. *ни чтец ни жнец ни на дуде игрец* или шуточное номинирование осуществления чего-то невозможного (например, *завязать борону*): *Селета кляцы зацясаў, налета барану звязжа* – делать что-то очень медленно, как правило, о ленивом человеке [Юрч.: 46]. В украинских надднепрянских говорах идея бесполезности осуществляемых действий или неумение передается через образ *бороны*, которой, конечно же, невозможно ловить рыбу: *ловити рибу бороною* – робити що-небудь невміло, з допомогою таких засобів, які для цього не годяться (*Що ти ото ловиш рибу бороною*) [ФСНН: 74], *Придумав дурною головою ловить рибу бороною* [ПрНн: 105]. Несовместимость двух объектов, когда речь идет о разобщенности собеседников имеем и в польской пословице (*животное-посуда*): *Jeden o baranie, a drugi i dzbanie* [НКРР I: 59].

К этой группе образных реалий примыкают инструменты и орудия со значением колющего, режущего, которыми невозможно осуществить что-либо, не свойственные для осуществления каких-либо действий (орудие/субстанция/еда/растение, часто с идеей чего-то очень мелкого), символизирующие пустоту, голод, бедность, неудачу: *Захопив шилом потоки* [Фр.ГРНП 2: 161], *Наївся шилом борцу* – 'голодный, нічого не їв, бідний, покривджений', *Вхопив шилом потоки, Проміняв шило на мило* [ЗУЕ: 649], польск. *Szydłem barszczu nie jedzą, Ужив як шилом маку* – кепкуют з такого, що зазнав у своєму життю мало добра, *Szydłem rzerę korać* (Ср. русс. *Возить дрова в лес*). С символикой неудачного обмена выступает в украинской этнокультуре *швайка*: *Виміняв мило на швайку*, польский синонимический контекст, кроме этого, связывается с соотношением элемента внутреннего пространства дома (*дверей*) и внешнего (*леса*): *Robić bramę do lasu* – о ненужной, напрасной работе [НКРР I: 276].

На интересные стереотипы поведения в связи с анализом народной речи и связанной с ней функцией предметов обращает внимание И. Подюков. Фразеологизмы народной речи, – отмечает И.Подюков, – устойчиво обозначают имевшие место отклонения от свадебного обряда. Так, выработано было в свое время правило очередности вступления в брак сестер и братьев (за его нарушение дело могло доходить даже до изгнания из семьи); обойденным было впоследствии значительно труднее «найти пару». Брачный порядок определенным образом регламентировали выражения типа костр. *палица легла* – о невозможности младшей сестры выйти замуж из-за затянувшегося девичества старшей, перм. *в корыто посадить* – обойти в браке старшую сестру ('собственно опозорить; вполне вероятно соотнесение с известным обрядовым высмеиванием свахи на свадьбе, которую в корыте катали по деревне, ср. несколько иные мотивировки, связанные с модификацией вместилищ – в нем. *dei hett sick up 'n Backaben schuben lassen, dee is uppe lang' Bank schoben* – 'она дала себя посадить в печь, она оказалась засунутой в долгий ящик')¹⁹. Подтверждение этим соображениям И. Подюкова находим

¹⁹ И. Подюков, *Народная фразеология в зеркале народной культуры. Учебное пособие*, Пермь 1991; исследователь отмечает, что народное сознание сожительство, незаконный брак также оценивает как осудительный. Среди его характеристик наибольшее количество выражений связано с идеей «псевдосвадьбы» (пародийная свадьба входит также как один из элементов в обряд второго дня обычной свадьбы, встречалась и в других обрядовых играх, в частности святочной недели; сущность ее как очевидно из средневековых шутовских богослужений, других «выворачиваний» традиционного обряда – в оборонительности, защите со-

и в английских модифицированных образных параллелях: *Dance in a hog-trough wearing a silk stocking* – танцевать в свином корыте в шелковом чулке; *Be left a bachelor on a brother's wedding* – О старшем неженатом брате на свадьбе младшего [ТЕТМ: 898]²⁰.

В других традициях *веник* связывается с неидентичными, идиоэтническими ритуальными действиями и функциями – перепрыгиванием, развязыванием, как, например, об этом свидетельствуют некоторые английские выражения, восходящие к мотивам и образам произведений Ч. Диккенса и обозначающие заключение брака без соответствующих обрядов, отсутствие санкции на брак представителями социума: *jump over the broom-stick, to*; *This woman in Gerrard Street here had been married very young over the broomstick, as we say, to a tramping man* (Ch. Dickens)²¹ [ТЕТМ: 559]. Этот обычай, возможно, выступает своеобразным аналогом обведения вокруг ракитового куста и сходных ритуальных действий у древних славян, описанных И. Подюковым. В качестве дополнительного примера вспомним и о мотиве прелюбодеяния и внебрачных связей в английской фразеологии, выраженном через образ серпа в чужой ржи, чужого поля (*put your sickle in another man's corn Commit adultery* – букв. *вставлять серп в рожь кого-либо*) [ТЕТМ: 159], ср. параллели, например,

циума от аномалии, затрагивавшей «космический порядок»). Отсюда разнообразие сюжетов свадьбы «наоборот»: перм. 'венчались круг поганого ведра, свадьба круг столба, венчались круг лоханки помелом' (с заменой традиционных атрибутов венчания). Есть основание полагать отражение в некоторых фразеологизмах этого круга мотивов древней языческой свадьбы – выражения типа арх. 'вокруг елки оббежать', брян. 'вокруг дуба венчаться' (ср. стар. венчались круг ели, а черти пели) (там же, с. 52).

²⁰ О женских и мужских символах (*макитре, кудели*, символике *корыта* в украинском свадебном обряде, сходной с описанной И. Подюковым), ритуальной символике *веретена* во фразеологии и песенном фольклоре см. мою публикацию: О. Тищенко, *Культурні стереотипи предметів побуту та їх типологія: польсько-український контекст /на матеріалі фразеологізмів, прислів'їв, приказок, повір'їв, пісенного фольклору/*, в: *Актуальні проблеми прикладної лінгвістики: матеріали міжнародної Інтернет-конференції (6-7 червня 2014 р.)*, Умань 2014, с. 73-98.

²¹ В английском тезаурусе находим следующие образные контексты, связанные с метлой: Nineteenth-century navvies and their brides considered themselves legally married if they jumped across a *birch-broom* held over the threshold. В XIX в. новобрачные считались законной супружеской парой, если перепрыгивали через березовый веник на пороге дома [ТЕТМ: 39].

Marriage ceremonies vary; the couple may publicly jump over a *broom* together or clasp hands while bread and salt are sprinkled over them as a tribal elder declares them married. – Согласно брачному церемониалу, брачующиеся должны были при всеобщем обозрении перепрыгнуть через метлу, взявшись за руки; при этом старейшина обсыпал их зерном и солью и провозгласил, что они официально вступили в брак [ТЕТМ: 323].

в лемковской диалектной фразеологии украинцев: *ходити до чужого ревіру* – *нарушать супружескую верность* [Вархол: 112].

Подчеркнем, что несмотря на значительные достижения в области структурной фольклористики, многочисленные теоретические труды по фразеологии и паремиологии, достаточно удачные попытки логико-семантического моделирования паремий по принципу реалий и семиотических ситуаций (Г. Л.Пермяков), до сих пор остается дискуссионным лингвистический статус паремий, их место во фразеосистеме языка.

Следует отметить отсутствие надежных семантических и функциональных критериев выделения и идеографического описания пословичных структур. Не разработаны они также и на польской и шире – славянской языковой почве. Поэтому предложенная в одной из последних работ С.М. Толстой категоризация пословиц и поговорок предоставляет возможность прояснить ситуацию именно на материале этических и народнообрядовых представлений, связанных с семантическими и оценочными противопоставлениями разных типов в языке культуры и фольклора. Таксономические типы оппозиций в этом случае представлены следующими классами объектов: объекты и явления природы (мироздание, рельеф, погода); время: день-ночь, вечер, лето-зима, осень-весна; растения: верба-яблоки, груши, крапива-лилия, береза-дуб; животный мир: пчела-оса, вол-конь, волк-овца, вол-лягушка, сокол-ворона, синица-журавль, яйцо-курица; субстанции и вещества: вода-молоко, хлеб-вода, мед-деготь, деготь-сметана, вода-огонь, вода-кровь, вода-камень, грязь-золото; локусы: дом-поле, дверь-окно, дом-баня, хата-каменные палаты – светлица, хлев-горница, дом-могила; тело (человека, животного): тело-душа, плоть-дух, душа, голова-ноги, голова-руки, голова-волосы, голова-шапка, голова-хвост, глаза-уши, уши-хвост, ухо-брюхо, зверь-шкура; человек социальный и духовный: мать-мачеха, хозяин-слуга, хозяин-хозяйка, друг-враг, Бог-люди, Бог-черт; артефакты: ложка-ведро-бочка, мешок-торба, серп-бритва, нож-ложка, нож-топор, сани-телега, веник-венок, полотенце-онуча, крест-лопата, крест-пест, икона-лопата, церковь-кабак, хлеб-булка, паляница – калач, пирог и т.п.²².

Опираясь на данную классификацию, вкратце представим идеографическую характеристику некоторых артефактов-вместилищ и других предметных знаков в составе паремий сопоставляемых языков.

²² С. Толстая, *Предметные оппозиции*, с. 12-13.

Прежде всего отметим, что количественные артефакты ложка-ведро-бочка связываются в народной культуре с метеорологическими приметами и рекомендациями хозяйственного цикла, часто выступают в сопряжении с собственными наименованиями этнометеорологических периодов, хрононимов, т.е. в связи с патронами-защитниками в народном календаре. В таких календарных паремиях можно реконструировать квантитативную параметризацию многих артефактов-вместилищ: *Na весну корець дощу – ложка болота, восени ложка борщу – корець болота, Na Świętego Marka buchnie ciepło jak z garnka, Kto sieje jeczmień na Urbana, będzie pił piwo ze dzbana, Kto sieje w marcu ten zbiera w garncu, A kto sieje w maju, ten zbiera w jaju, Kto groch sieje w Wielki wtorek za garniec zbierze worek* (посуда – другое вместилище – мешок), *Na wiosnę ceber deszczu – łyżka błota, na jesień łyżka deszczu – ceber błota* (поjemniki – łyżka – ceber), *Весной ведро дождя – ложка грязи, осенью ложка воды – ведро грязи* (ключевыми параметрическими маркерами в этих контекстах выступают знаковые конвенциональные единицы измерения малой величины, по Беднареку, (*łyżka, garnek, ceber, kropla*), в других вариантах паремий эту функцию несут – *worek* (*Co gospodarz zwieje workiem, to wywiezie żona garnkiem*), содержимое некоторых вместилищ варьируется в словицах: *Na Święty Jan jagod dzban, Na Święty Jan przyniesie mleka pełen dzban/ oleju dzban, Na Świętego Tomasza gotuje się w garku kasza* – в этот день заключались договоры о новой службе.

Параметризация корреляций мешок-торба закодирована в таких единицах: *Сьогодні з мішком, а завтра з торбинкою*, имеющие межъязыковые параллели: *Na Świętego Jakuba każdy w garnku dłuba* Zb.VI, 294 [SGP I: 392, k. 335]. Партитивный фрейм можно усматривать в корреляции полная посуда – ложка, капля: *До повної миски – всі з ложками* [ПрНн: 83], *Lepiej cały kufel wypić, aniżeli kroplę rozlać, Ведрами разольешь, так и каплями не соберешь*, укр. *Одне гниле яблуко зіпсує цілу бочку, Ложка мази бочку меду замаже* – одне мале лихо може знівечити найбільше діло [Плав'юк: 160], *Скупой сулит в дежке, а дает в ложке* [БСРП: 243], Ср. загадку: *В одной дежке две приспешки (яйцо)* [БСРП: 243]. Другие квантитативы выражают противопоставление один и больше, а посуда номинирует оценку межличностных отношений субъектов: *Trudno z jednego dzbanka dwu ścian oraz bielić* – о вещах, которые трудно осуществить одновременно, а также о тех, кто берет взятки с двух заинтересованных сторон, *Lepiej cały kufel wypić, aniżeli kroplę rozlać, Ведрами разольешь, так и каплями не соберешь*.

Функцию параметризации некоторых предметов могут выполнять и наречия густо-пусто: *В решете густо, а в закроме пусто* [БСРП: 756], в этой связи стоит обратить внимание на довольно распространенные во многих культурах предметы, не предназначенные для измерения или выполнения определенных действий (*решето*), которыми невозможно что-то измерить или осуществить определенные действия: *Решетом воду мерять* [БСРП: 756]. Упомянутый фрейм «напрасность, бессмысленность осуществления каких-либо действий» наполняется такими единицами: *Глупого учить, что решетом воду носить* [БСРП: 756], *Пьяный решетом деньги мерит* [БСРП: 756] (идея пустой растраты, пустые дырки в решете символизируют напрасность, бессмысленность совершения каких-то действий); транспортные средства – *Ставить телегу впереди лошади* и под. Вспомним и о других изосемических, синонимических смыслах в контексте артефактов материальной культуры. Так, в украинском языке сходную идею выражает сито и цеп (молотьба / предмет домашнего обихода: *З собачого хвоста сита не зробиш* – з лихого матеріалу не зробиш доброї речі [Плав'юк: 303], *З бороною по воду поїхав, а ціпом рибу вудить* (М. Номис), *Лисиця од дощу під борону сховалась – не всяка, казала, капля капле* [Номис: 301]. Противопоставление орудие труда-вместилище: плуг – бочка – скриня связывается с идеей благополучия, богатства, полного в хозяйственных рекомендациях: *Де плуг господар, а борона – господиня, там повна бочка й скриня* [Плав'юк: 256]. Отметим, что в украинских загадках *борона* связывается с пустотой, дырой и метронимами (единицами измерения), а также текстильным материалом: *Дюрава верста все поле закрила* (борона) – загадка, *Діраве рядно все поле закрило, Бога просило, щоб ся зазеленіло* [Номис, 656], в польском языке реализуется космогоническая символика *борона-небо*, мотивация которого затруднена, связывается с хорошей хозяйкой: *Kto ta dobre żonę, ta do nieba bronę* [НКРР III: 956].

Еще одной корреляцией в сфере артефактов выступает сельскохозяйственное орудие – место, локус (*Дом, богатство, прибыль*): *Соха да борона растеряли наши дома, вольнка да гудок, собери наш домок, Соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят, Живеш, як у решеті: відки вітер подме, то повні хати – хата на курячих ніжках* [Номис: 385], в польском языке актуализируется признак *старый-новый*: *Nowe rzeszotko dycki wieszają na klinku, a stare dawają pod ławę* [НКРР III: 197].

Таксономический фрейм со значением части от целого связывается с символикой посуды и соматического кода посуда – часть

тела человека: *Хоч до миски соромно, так до рота радісно* [ПрНн: 83], соотношение сходных артефактов увязывает разные сферы материальной культуры: орудие-орудие (земледелие-ткачество): *Соха кормит, веретено одевает, Меж сохи да бороны не укроешься, Соха накормит, а веретено укроет, Соха – не плуг, приятель – не друг*, в частности с неоднократно упоминаемой сферой своего и чужого: орудие-орудие-свое-чужое: *Тебе соха да борона, а мне чужая сторона – тебе здесь жить и работать, а мне – уезжать на чужбину*, орудие-орудие-свое-чужое (присвоение или одалживание чего-то, результаты собственного труда): *До сусіда решета, до сусіда сита* – вигідно з добримися сусідами, все мож зажитись [Плав'юк: 303], *Одному сито, а другому решето* – один вже їсть, а другий ще мусить заробити віючи збіжжя [Плав'юк: 191], орудие-орудие – нечистый локус: *Один в соху да в борону, а другой к черту в сторону*, орудие-вместилище малого размера: *Один с сошкой, а семеро с ложкой, Где пашет сошка, там хлеба крошка*.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены паремии и отчасти народно-диалектная фразеология, связанные с обозначением древних ремесел и предметов быта, освещены механизмы семантической деривации технологических процессов, инструментов, бытового и ремесленного инвентаря в языке традиционной народной культуры. При этом автор исходил из тезиса о связи номинации вещного кода культуры, технологии производства с ритуалом и этнографическими реалиями, аксиологичности, оценочности и избирательности их символического выражения. Лексико-семантическая и культурная реконструкция паремий данного круга позволила обнаружить архаические представления о ремеслах, восходящие к Библии (сфера гончарства и ткачества), связанные с ремесленниками магические практики и мифологию, стереотипы бытового и ритуального поведения, морально-этические и религиозные нормы и запреты, регламентирующие их положение в социуме. Практически во всех сравниваемых языках выявлены паремии о богатстве и бедности, щедрости и жадности, выгоде, предприимчивости и легкомысленности, вредных привычках (склонность к пьянству, ругательствам, отрицательное отношение со стороны социума), клички и прозвища ремесленников, их взаимная неприязнь и зависть, представленные в традиционном песенном фольклоре и целой серии устойчивых сравнений, имеющих в основном пейоративную коннотацию.

Древние ремесла представляют собой мощный источник для многих переносно-метафорических и образных выражений: мотивы движения и вращения деталей ткацкого верстата, символическая функция сельскохозяйственных орудий, антропоморфные и пространственные метафоры (ср. метафору *пустого говорения*), иные направления семантического развития связанной с ремеслами специальной терминологии.

Как показал материал, основными сферами вторичного означивания и семиозиса объектов ремесленной культуры, в частности и изделий, посуды, являются черты характера и внешнего облика человека, его эмоции и умственные способности, взаимоотношения в семье, родственные отношения, стереотипы мужского и женского поведения и т.п., отраженные в мотивационной и фреймовой структуре фразеологических единиц, пословиц и поговорок (*полное-пустое, часть-целое, целое-нецелое, старое-новое*), их количественная семантика и параметризация объектов традиционного быта. Предложенный подход позволяет осветить способы структурно-семантического моделирования «ремесленных» пословиц и поговорок, связанных с определенными кластерами смыслов, типологией реалий и семиотических ситуаций, например, идея чего-то неуместного, неудачного, несовместимости, сходства/несходства двух объектов, 'неумение', 'работа сделанная небрежно или наспех', представленная образами ткачества и шитья и имеющая многочисленные синонимические варианты и трансформации во многих славянских языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРАЕВА Л.: Мир во фразеологизмах мира, w: *Slowo. Tekst. Czas*, red. M. Aleksiejenko, M. Gordy, т. II, Szczecin–Greifswald 2014, с. 15-23.
- БАЙБУРИН А.К.: Семиотические аспекты функционирования вещей, в: *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*, Ленинград: Наука 1989, с. 63-88.
- БОРЯК О.: Ткацтво в обрядах та віруваннях українців (сер. XIX – поч. XX ст.). Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України 1997.
- БСРП – МОКИЕНКО В.М., НИКИТИНА Т.Г., НИКОЛАЕВА Е.К.: Большой словарь русских пословиц, Москва: ЗАО ОЛМА Медиа групп 2010.
- ВАРХОЛ – ВАРХОЛ Н., ІВЧЕНКО А.: Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини, Пряшев: Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі 1990.
- ЗУЕ – ЖАЙВОРОНОК В.: Знаки української етнокультури. Словник-довідник, Київ: Довіра 2006.
- КУРБАТОВА Н.В.: Паремии, паремические выражения и народные суждения как отражение национально-культурной специфики языковой картины мира (на материале

- ново(древне)греческого и русского языков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Краснодар: Краснодарский гос. университет 2002.
- Лепешаў – ЛЕПЕШАЎ І.Я., ЯКАЛЦЭВІЧ М.А.: Глумачальны слоўнік прыказак, Гродна: Гр.ДУ 2011.
- НЕССЕН І.І.: Весільний ритуал Центрального Полісся: традиційна структура та реліктові форми (середина XIX-XX ст.), Київ: Центр захисту культурної спадщини від надзвичайних ситуацій 2005.
- Номис – НОМИС М.: Українські приказки, прислів'я і таке інше, Київ: Либідь 2004.
- Плав'юк – ПЛАВ'ЮК С.: Приповідки, або українсько-народня філософія. Зібрав, підготував до друку та опублікував Володимир С. Плав'юк, Едмонтон: Канада 1998.
- ПОДЮКОВ І.А.: Народная фразеология в зеркале народной культуры. Учебное пособие, Пермь:Теплан 1991.
- ПрНн – ЧАБАНЕНКО В.: Мудре слово. Прислів'я та приказки в говірках Нижньої Наддніпрянини, Запоріжжя: Запорізький держ. університет 1992.
- Рабкев. – РАБКЕВІЧ В.І.: Паслухай, што людзі кажуць: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, прыкметы, жарты, Мінск: Мастацкая літаратура 1985.
- РККГ – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, т. I: Калужская губерния, Санкт-Петербург: Наука 2004.
- РФИЭС – БИРИХ А.К., МОКИЕНКО В.М., СТЕПАНОВА Л.И.: Русская фразеология. Историко-этимологический справочник, Москва: Астрель АСТ – Люкс 2005.
- РЬБАКОВ Б. Ремесло древней Руси, Москва: Академический проект «Культура» 2015.
- Санько – САНЬКО З.Ф.: Малы русска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем, Мінск: Навука і тэхніка 1991.
- СВЕШНИКОВА Т.Н., ЦИВЬЯН Т.В.: К функциям посуды в восточнороманском фольклоре, в: *Из работ Московского семиотического круга*, Москва: Языки русской культуры 1997, с. 345-375.
- СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь, изд.2-е, Москва: Международные отношения 2002.
- ТЕЛИЯ В.Н.: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты, Москва: Языки русской культуры 1996.
- ТОЛСТАЯ С.М.: Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике, Москва: Индрик 2010.
- ТОЛСТАЯ С.М.: Предметные оппозиции, их семантическая структура и символические функции, в: *Славянский и балканский фольклор. Виноградье*, вып 11, Москва: Индрик 2011, с. 9-18.
- ФПСлоб. – УЖЧЕНКО В.Д., УЖЧЕНКО Д.В., БАРВИНА Н.О.: Фразеологічно-паремійний словник Східної Слобожанщини XIX ст., Луганськ: ДЗ ЛНУ ім.Т.Шевченка 2013.
- Фр.ГРНП – Галицько-руські народні приповідки, т. I, 2-е вид. Львів: Львівський державний університет 2006.
- ФСНН – ЧАБАНЕНКО В.: Фразеологічний словник говірок нижньої Наддніпрянини, Запоріжжя: Запорізький державний університет 2001.
- ФСПГ – ПРОКОШЕВА К.Н.: Фразеологический словарь пермских говоров, Пермь: Пермский гос. пед.университет 2002.

- Юрч. – ЮРЧАНКА Г.Ф.: Народнае мудраслоўе. Слоўнік, Мінск: Беларуская навука 2002.
- Amerykańska antropologia kognitywna, Warszawa: Instytut kultury 1996.
- Bystroń – BYSTRON J.S. Przysłowia polskie, Kraków: Polska Akademia Umiejętności 1933.
- Czub. FGP – CZUBAŁA D.: Folklor garncarzy polskich, Katowice: Uniwersytet Śląski 1978.
- Fl.Čpř. – FLAJŠHANS V.: Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědi a pořekadel lidu českého v Čechah, na Moravě a v Slezsku, pis.: A-N, Olomouc: Česka akademie císaře Františka Josefa provědy, slovesnost a umění 2013.
- Gloger – GLOGER Z.: Obrzędy, zwyczaje i wierzenia ludowe na ziemiach nad Narwią i Biebrzą, Warszawa: Zakad Pebetnera 1880.
- Kłosińska – KŁOSIŃSKA A.: Słownik frazeologiczny, Warszawa: PWN 2010.
- NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich, t. I-IV, red. J. Krzyżanowski S. Świrko, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy 1969-1978.
- SGP – Słownik gwar polskich, t. I-VI, red. J. Karłowicz, Kraków: Nakl. Akademii Umiejętności 1903.
- Siark. – SIARKOWSKI W.: Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa, w: *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. IX, Kraków: Nakl. Akademii umiejętności 1885, s. 3-65.
- TETM – WILKINSON P.R.: A thesaurus of traditional English metaphors, London–New York: Routledge 1993.
- Wesoł. – WESOŁOWSKA H.: Młynarstwo wiejskie Opolszczyzny od XVIII do XX wieku, Opole: Uniwersytet Śląski 1969.

ПАРЕМИИ,
СВЯЗАННЫЕ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ОБЪЕКТОВ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕМЕСЕЛ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Резюме

Объектом исследования являются паремии, обозначающие древние ремесла и символические артефакты в польской, украинской, русской и белорусской языковых картинах мира. Автор исходит из того, что предметный культурный код тесно связан со вторичной символикой вещей, технологией, магией профессии и их оценкой, проводимой разными общественными группами. В первую очередь представляются механизмы лексической концептуализации предметов, функции посуды и их фразеологические связи. На основании анализа фольклорных и этнолингвистических текстов были исследованы функции артефактов материальной культуры славян в народных поверьях, магических действиях, отражающих символические и ритуальные стереотипы в оппозициях *полное-пустое*, *часть-целое*, *целое-нецелое*, *старое-новое*, а также реконструировался культурно-языковой образ ремесел в разных локальных традициях.

PAREMIA
OZNACZAJĄCE OBIEKTY
MATERIALNEJ KULTURY I RZEMIOSŁA
W JĘZYKACH SŁOWIAŃSKICH

Streszczenie

Przedmiotem niniejszego artykułu są paremia oznaczające dawne rzemiosła oraz symboliczne artefakty w polskim, ukraińskim, rosyjskim i białoruskim językowym obrazie świata. Autor wychodzi z założenia, iż przedmiotowy kod kultury jest ściśle powiązany z wtórną symboliką rzeczy, technologią i magią zawodu, ich oceną poprzez różne grupy społeczne.

Główny nacisk położono na mechanizmy konceptualizacji leksykalnej narzędzi oraz funkcji naczyń, ich związki frazeologiczne (stałe porównania, obrazy, idiomy, frazeologia dialekta, przysłowia i porzekadła). Na podstawie opracowania tekstów folklorystycznych i etnolingwistycznych uwzględniono funkcje artefaktów kultury materialnej Słowian w wierzeniach ludowych, praktykach magicznych, utrwalających stereotypy symboliczne i obyczajowe w opozycjach *swoi-obcy*, *pusty-pełny*, *bogaty-biedny*, *stary-nowy*, *cały-niecały* oraz zrekonstruowano językowo-kulturowy obraz rzemieśników w różnych tradycjach lokalnych.

PROVERBS AND SAYINGS DENOTING
THE OBJECTS
OF MATERIAL CULTURE AND TRADES
IN SLAVONIC LANGUAGE

Summary

The article focuses on the proverbs and sayings connected with ancient skills and symbolic artifacts naming in the Russian, Polish, Ukrainian and Belorussian languages. The ways of conceptualization of technological processes, tools, housekeeping and trade equipment in the language of folk culture (folk and dialectal phraseology, similes, idioms, proverbs, sayings, folk and everyday superstitious beliefs and legends) are considered. The processes of metaphoric reframing of some household items, plates and dishes in particular are covered; their semiotic function in ritual, moral and ethical presentations is established. The stereotypes of everyday and mythological actions of the ancient skills representatives, their mutual relations and evaluation, as a rule, pejorative one, on the side of the society are revealed.

The process of object and agent cultural codes symbolization is connected with certain social ideas (*own – alien*, *exchange*, *justice*, *ability-inability*, *good (profitable) – bad (unprofitable) trade*, rules, restrictions, recommendations etc.). One and the same characteristic feature of the object in different linguocultures may generate several different symbols and image and evaluative contexts. Household items, apart from their substantive content and practical function, may have semiotic, ritual, anthropomorphic functions, that is to denote personality traits, appearance, emotions, intelligence, family relations etc., code oppositions *full-empty*,

whole-part, old-new, function as a way of measurement of artifacts-containers (spoon-bucket, spoon-barrel, crockery-sack, big-small etc.).

Ключевые слова: паремии, артефакт, символическая функция, ритуал.

Słowa kluczowe: paremia, rzemiosła, artefakt, symboliczna funkcja przedmiotów, frazeologia ludowa, stereotypy rytualne i obyczajowe, metafora antropomorficzna, wartościowanie.

Key words: proverb, trade, artifact, symbolic function of objects, folk phraseology, stereotypes of ritual and everyday actions, anthropomorphic metaphor, evaluativity.